

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.94>

Федоренко Ольга Ярославовна

МОТИВ "ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ" В АМЕРИКАНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ XX СТОЛЕТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ Т. УИЛЬЯМСА "НОЧЬ ИГУАНЫ")

Объектом рассмотрения в статье становится специфика функционирования мотива "предопределение" в пьесе знаменитого американского драматурга XX века Теннесси Уильямса "Ночь игуаны". В работе приводятся принятые в современной науке толкования вышеназванного понятия. В ходе исследования осуществляется анализ мотивного, идейно-философского и психологического планов художественного текста, на основе которого делается вывод об отличиях между идеей промыслительности, зародившейся в пуританском обществе тремя столетиями ранее, и ее интерпретацией в конкретном драматургическом произведении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/3/94.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 449-452. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. **Белинский В. Г.** Идея искусства // Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 3-х т. / под ред. Ф. М. Головенченко. М.: ГИХЛ, 1948. Т. 2. С. 67-82.
2. **Гегель Г.** Сочинения: в 14-ти т. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. Т. 14. Лекции по эстетике. 440 с.
3. **Григорьева Т., Логунова В.** Японская литература. Краткий очерк. М.: Наука, ГРВЛ, 1964. 282 с.
4. **К. Рехо (Ким Ле Чун).** Русская классика и японская литература. М.: Художественная литература, 1987. 352 с.
5. **Карлина Р.** Белинский и японская литература // Литературное наследство / гл. ред. А. М. Еголин. М.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 56. В. Г. Белинский. С. 501-512.
6. **Конрад Н. И.** Японская литература. От Кодзика до Токутоми. М.: Наука, 1974. 568 с.
7. **大田黒重五郎.** 種々なる思ひ出 // 二葉亭四迷全集. 第9巻. 出版社: 岩波書店. 東京, 1965 (Отагуро Дзюгоро. Разные воспоминания // Фтабатэй Симэй. Полное собрание сочинений: в 9-ти т. Токио: Иванами сэтэн, 1965. Т. 9. С. 195-200).
8. **二葉亭四迷.** 浮雲 // 二葉亭四迷全集. 全9巻. 第1巻. 出版社: 岩波書店. 東京, 1964 (Фтабатэй Симэй. Плывущее облако // Фтабатэй Симэй. Полное собрание сочинений: в 9-ти т. Токио: Иванами сэтэн, 1964. Т. 1. С. 3-157).
9. **二葉亭四迷.** 小説総論 // 日本近代文学大系(4). 出版社: 角川書店東京, 1971 (Фтабатэй Симэй. Общая теория романа // Серия книг по современной японской литературе: в 60-ти т. Токио: Кадокава, 1971. Т. 4. С. 90-102).

RUSSIAN LITERARY-CRITICAL THOUGHT AND NEW JAPANESE LITERATURE FORMATION

Sadokova Anastasiya Ryurikovna, Doctor in Philology, Professor
Lomonosov Moscow State University
Moscow City University
sadokova@list.ru

The article examines the history of acquaintance of the Japanese with the Russian literary-critical thought and V. G. Belinsky's works at the end of the XIX century. Specific examples show how difficult this process was and what complications arose while understanding the critical ideas of the Russian literature by the Japanese reading public. The author demonstrates the role of the famous specialist in the Russian philology Futabatei Shimei in the propaganda of V. G. Belinsky's critical ideas, in the formation of the Japanese society's strong interest in the Russian critical thought, which later greatly influenced the process of the new Japanese literature formation and development.

Key words and phrases: literary-aesthetic views; Russian critical thought; new Japanese literature formation; V. G. Belinsky's critical articles; Futabatei Shimei's translations.

УДК 82-2

Дата поступления рукописи: 25.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.94>

Объектом рассмотрения в статье становится специфика функционирования мотива «предопределение» в пьесе знаменитого американского драматурга XX века Теннесси Уильямса «Ночь игуаны». В работе приводятся принятые в современной науке толкования вышеуказанного понятия. В ходе исследования осуществляется анализ мотивного, идейно-философского и психологического планов художественного текста, на основе которого делается вывод об отличиях между идеей промыслительности, зародившейся в пуританском обществе тремя столетиями ранее, и ее интерпретацией в конкретном драматургическом произведении.

Ключевые слова и фразы: предопределение; колониальная словесность; литературный мотив; драматургия США; литература XX века; Т. Уильямс.

Федоренко Ольга Ярославовна

Московский городской педагогический университет
Olgaduvin@gmail.com

МОТИВ «ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ» В АМЕРИКАНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ XX СТОЛЕТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ Т. УИЛЬЯМСА «НОЧЬ ИГУАНЫ»)

Мотив «предопределение», также известный как «провиденциальность», появился на страницах произведений американской словесности еще в колониальный период в среде пуритан, о чем свидетельствует достаточное количество литературных памятников того периода, дошедших до наших дней [11; 14; 15; 17]. Анализируя тексты авторов XVII-XVIII веков, можно заключить, что предопределение входит в число мотивов, составляющих «фундамент ранней американской словесности», и получает «дальнейшее развитие в литературе США последующих столетий» [2, с. 9]. В значительной степени это связано с тем, что идея предопределения является одной из ведущих составляющих американского национального самосознания.

Имя существительное *providence* (англ. «предопределение, провидение») в современных словарях трактуется следующим образом: "...divine guidance or care", "God conceived as the power sustaining and guiding human destiny" [13], "God, or a force which is believed by some people to arrange the things that happen to us" [12]. Таким образом, в приведенных определениях под анализируемым термином понимается или сам Бог как источник

всего сущего на Земле, или даруемые Им спасение, защита и милость. Несколько иное толкование выше-названной религиозной категории дано в «Словаре религиозных терминов» под редакцией О. В. Миронова. Используя термины «провиденциализм» и «провидение», составители этого справочного издания говорят о богословской концепции, «согласно которой исторический процесс – это проявление Божественного плана “спасения” человечества» [7, с. 31].

В своей книге «Богословская мысль Реформации» британский христианский теолог Алистер Макграт упоминает, что предопределение рассматривается как идея спасения людей, начиная с эпохи раннего Средневековья, что можно усмотреть, например, в трудах Августина Блаженного [6]. Позднее, в эпоху Реформации, мысль о провиденциальности, в частности вопрос о спасении человечества Господом, озвучивается в работах видных деятелей реформации М. Лютера и Ж. Кальвина [Там же]. Значительная часть положений их учений легла в основу английского пуританизма, последователи которого были твердо уверены в невозможности «свободы выбора человеком своего жизненного пути, ибо последний уже заранее выбран для него» [3, с. 5]. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что провиденциальность – это некий порядок, согласно которому каждый человек должен следовать законам Божиим и выполнять все, предписанное ему Отцом Небесным. При этом за богоугодные деяния люди получают от Всевышнего спасение. Подобное положение вещей, безусловно, способствовало оптимизму пуритан-переселенцев, чья вера в неизбежность Божьего промысла оставалась неизменной на протяжении всего колониального периода. Данный культурологический факт неоднократно подчеркивался исследователями ранней новоанглийской словесности [1-5; 8; 9]. В своей статье «Мотив “предопределение” в романе Марка Твена “Приключения Тома Сойера”» современные отечественные американисты О. В. Афанасьева и К. М. Баранова сообщают, что «с течением времени идея провиденциальности» естественным образом претерпевает трансформацию и даже «начинает ослабевать» [3, с. 9].

В произведениях американской словесности XX века мотив «предопределение» все еще обладает некоторой значимостью. Тем не менее он приобретает иную специфику, «обрастая» новыми смыслами, что, вероятно, обусловлено трагическими событиями, потрясшими мир в предыдущем столетии. В связи с чем **актуальность** и научная **новизна** нашего исследования не вызывают сомнений и объясняются необходимостью выявить аспекты, определяющие самобытность звучания мотива «предопределение» в драматургии США этого исторического периода. Так, функционирование анализируемого мотива можно проследить в пьесе американского драматурга Т. Уильямса «Ночь игуаны» (Tennessee Williams, “The Night of the Iguana”, 1961). Связан он во многом с образом главного героя произведения Лоренса Шеннона (Laurence Shannon), бывшего священника, ныне работающего гидом-экскурсоводом для отдыхающих в Мексике туристов. **Цель** настоящей статьи состоит в том, чтобы показать, какие модификации претерпевает идея промыслительности, преломляясь в сознании основного действующего лица драматургического произведения.

Отметим, что мотив «предопределение» получает весьма неоднозначную реализацию, далекую от традиционного пуританского понимания. Объяснить это можно тем, что протагонист драмы находится в непрекращающемся поиске своего собственного пути, а в его жизни пока еще очень мало стабильности и постоянства. По словам самого Лоренса Шеннона, его отношение к Всевышнему с детства было весьма неоднозначным. Этому способствовала «особая» манера воспитания, изумившая его набожную мать. Женщина предпочитала рукоприкладство как эффективный способ вразумить сына, наказывая его подобным образом за проступки. Юный Лоренс старался не грешить, дабы не огорчать ни мать, ни Господа. Но печальный опыт оставил след в душе героя. Постоянные ограничения свободы со стороны родного человека привели к тому, что юноша ожесточился, а столь недоступный ему грех стал отныне его тайным желанием.

Греховные мысли не покидают героя и в зрелом возрасте. Лоренс Шеннон избирает призвание священнослужителя. После посвящения в сан он сразу получает приход в родном городе Плезант Вэлли. По прошествии года работы священником протагонист начинает чувствовать, как в его душе происходит некий надлом. Затаенная еще в детстве «злоба» на Всевышнего, во имя которого мать когда-то наказывала мальчика, подводит повзрослевшего героя к совершению неблагоприятных поступков. Его первой серьезной ошибкой становится соблазнение прихожанки, молодой учительницы воскресной школы, которая, впоследствии отвергнув горе-священником, пытается свести счеты с жизнью. К счастью, девушка остается жива, но непристойное поведение юноши приводит к серьезному скандалу, нанося непоправимый урон его репутации.

Следующим шагом Лоренса Шеннона, повлекшим его полное отлучение от прихода, становится служба, во время которой молодой человек произносит оскорбительные слова в отношении Всевышнего. В этой скандальной проповеди особым образом отражено глубинное сомнение молодого человека в предопределении, то есть в идее спасения человечества Вседержителем, которого герой осмеливается назвать «впавшим в детство, слабосильным, сварливым старикашкой, вроде тех, что живут в богадельне и возятся с головоломками, а если не получается, со злости опрокидывают столик» [10, с. 250-251]. Лоренс Шеннон утверждает, что Бог есть не кто иной, как «жестокий старый уголовник», который «осуждает весь мир и безжалостно карает тех, кого сам же создал, за собственные ошибки, допущенные при их сотворении» [Там же, с. 251]. Очевидно, что мужчина не отрицает существование Господа, но сильно сомневается в Его благости и милости, которые, согласно христианским догматам, уготованы праведникам. После «громкого» выступления Лоренса Шеннона не лишают сана, но дорога в церковь для него отныне закрыта. В довершение всего бесславного священника и вовсе отправляют в психиатрическую клинику с диагнозом «тяжелое нервное расстройство».

Приступы названного недуга в дальнейшем неоднократно повторяются в жизни протагониста и после его отъезда из родных мест, напоминая о себе в виде панических атак, нервных срывов и приступов неконтролируемой ярости. Выйдя из лечебницы, Лоренс Шеннон начинает работать гидом-экскурсоводом. Однако новое занятие не спасает его от вышеназванных проблем. Молодой человек приобретает пагубную привычку

вступать в кратковременные романтические отношения с женщинами из туристических групп, которые он сопровождает. По словам героя, он всегда предпочитал возить группы леди по тропическим странам, потому что мог одновременно удивлять и шокировать их, в какой-то степени даже «опустошать» их души, показывая различные ужасы и диковины тропических широт. А после этого он уже без труда соблазнял особо впечатлительных представительниц прекрасного пола.

Началось это после того, как, по признанию самого Лоренса Шеннона, путешествуя по одной тропической стране, он впервые почувствовал «постепенное или внезапное, *предопределенное* или случайное... безумие» (здесь и далее курсив автора статьи. – О. Ф.) [Там же, с. 338]. В приведенном фрагменте обращает на себя внимание то, как неоднозначно и противоречиво протагонист характеризует свое душевное состояние. Складывается впечатление, что он мечется, не в силах прямо передать, какое чувство овладело им в тот самый момент. Он неспособен ответить на вопрос, было ли его «безумие» предрешено (*predestined*). По сути, вся жизнь Лоренса Шеннона представляет собой один большой вопрос о том, что движет им, какая сила определяет его жизненный путь – а в этом как раз и состоит идея предопределения.

Поведение протагониста, вне всякого сомнения, беспокоит его знакомых, ведь за долгие годы работы экскурсоводом молодому человеку удастся сблизиться с некоторыми людьми. У каждого из них складывается определенное мнение о причинах его необузданного характера. Так, например, Мэксин Фолк (Maxine Faulk), хозяйка гостиницы «Коста Верде» мексиканского курорта Пуэрто-Баррио, где разворачиваются основные события драмы, в беседе с Лоренсом Шенноном высказывает предположение о том, что все проступки, совершенные мужчиной, есть не что иное, как месть. Героиня уверена, что своими «еретическими проповедями» он как бы мстит Всевышнему, а острая потребность в женском обществе – это естественная реакция на нехватку материнского тепла и заботы. Безусловно, воспитание, полученное Лоренсом Шенноном еще в раннем детстве, а также все вызванные им душевные травмы могли в значительной мере сказаться на поведении героя. Но было бы неверно предполагать, что мужчина настолько прост, чтобы избрать в подобной ситуации путь слепой мести. Причины его действий намного сложнее. Он сомневающийся герой, человек, находящийся в процессе продолжительного поиска веры. Он своего рода скептик и, как все скептики, нуждается в наглядных доказательствах, которые или подтвердят, или опровергнут его предположения касательно провиденциальности всего сущего.

Мотивы протагониста, на наш взгляд, можно истолковать следующим образом. Лоренс Шеннон не мстит родной матери за причиненные ему в отрочестве обиды. Однако он намерен проверить, насколько оправдана та жестокость, которую совершила его мать из так называемой любви к Всевышнему. Всеми своими действиями он хочет испытать силу Провидения, стремясь получить от Вседержителя ответ, некий знак, который и укажет на Его волю. При этом, будучи религиозно образованным человеком, Лоренс Шеннон понимает, что за все сотворенное индивид неизменно получает воздаяние, которое зависит от некогда избранного им жизненного пути.

Приведенная интерпретация идеи предопределения весьма отлична от ее изначального понимания пуританами на землях Нового Света, которые считали, что «следует *терпеливо* познавать деяния Творца, создавшего мир и правившего им... Веря в то, что Господь ниспослал на них Свою милость, колонисты полагали, что готовы к пониманию истины, а потому должны всячески стремиться к тому, чтобы осознать суть воли Господа» [1, с. 23]. Следовательно, жители Новой Англии XVII века свято верили в промыслительность всего происходящего, а потому познание ими воли Вседержителя было вызвано, в отличие от Лоренса Шеннона, не сомнением, а искренним желанием приблизиться к Небесному Отцу. Познание Его милости было, по мнению первых переселенцев, возможно только в случае безропотного и смиренного следования христианским заповедям. Действия героя драмы Т. Уильямса, по всей видимости, свидетельствуют об обратном, а именно об отсутствии у него терпения, смирения, а тем более негреховности.

Отметим, что на протяжении всей пьесы мнение Лоренса Шеннона касательно Божьего промысла претерпевает серьезные изменения. Эти перемены обусловлены его знакомством с другой героиней драмы Ханной Джелкс (Hannah Jelkes). Ханна – странствующая художница, которая путешествует по миру со своим дедушкой Джонатаном Коффином (Jonathan Coffin), старейшим из живущих и пишущих поэтов. Уже при первом своем появлении на пороге гостиницы «Коста Верде» в начале пьесы эта творческая особа моментально зачаровывает протагониста: “Shannon looks down at her, *dazed*. Hannah is remarkable-looking – *ethereal*, almost *ghostly*” [16, p. 338]. / «Шеннон *озадаченно* смотрит на нее. Она выглядит необычно, в ней есть что-то *не от мира сего*, почти *призрачное*» [10, с. 202]. Так, подчеркивая таинственность и незаурядность облика Ханны, драматург обращает внимание читателя на присущую ей эфемерность. Подобная «бесплотность» образа позволяет провести сравнение героини с фигурой средневековой святой, украшающей убранство готического собора: “She suggests a *Gothic cathedral image of a medieval saint*, but animated” [16, p. 338]. Автор создает портрет некоего небесного создания неслучайно, ведь Ханна становится в некотором смысле «ангелом-хранителем» главного героя, на что Т. Уильямс прямо указывает в своих ремарках в третьем действии драмы.

Роль Ханны в жизни Лоренса Шеннона действительно велика. Несмотря на то, что герои прежде никогда не встречались, за короткий период времени ей удается оказать на мировосприятие протагониста колоссальное влияние, заставить его переосмыслить многое в своей грешной жизни. Существенным для развития действия пьесы, на наш взгляд, является то, что девушка помогает главному герою обрести веру в себя и в людей, встречающихся на его жизненном пути. Мисс Джелкс неоднократно говорит Лоренсу Шеннону о том, как важно быть открытым, делиться душевным теплом и оказывать помощь окружающим: “Broken gates between people so they can reach each other... A little understanding exchanged between them [people], a wanting

to help each other” [Ibidem, p. 408-409]. / «...двери от человека к человеку, распахнутые настезь... Я говорю о близости, которая помогает понять друг друга, о желании помочь друг другу» [10, с. 315].

Общение с молодой художницей способствует тому, что в определенный момент в душе героя загорается огонек веры в промыслительность происходящих с ним вещей. Складывается ощущение, что «скитания» Лоренса Шеннона окончены. Так, во втором действии пьесы после доверительной беседы с Ханной протагонист заявляет, что наконец осознал, почему все эти годы его странным образом тянуло в Пуэрто-Баррио, почему он постоянно возвращался в это место. Причиной тому была *предрешенная, уготованная* ему встреча с Ханной, человеком, который искренне хочет ему помочь: “Now I know why I came here... To meet someone who wants to help me, Miss Jelkes” [16, p. 385-386]. / «Теперь я знаю, почему меня тянуло сюда... Чтобы встретить человека, который хочет мне помочь, мисс Джелкс» [10, с. 278]. В приведенных словах Лоренса Шеннона можно усмотреть зарождение веры молодого человека в предопределенность его жизненного пути.

Финал пьесы неоднозначен и носит скорее открытый характер, ведь автор прямо не сообщает читателю о судьбе своего героя. Однако присутствие в идейно-философском наполнении анализируемой драмы мотива «предопределение», в частности его связь со сложным образом «грешного священника» Лоренса Шеннона, не вызывает сомнений. Подводя **итог** всему вышесказанному, можно заключить, что пьеса Т. Уильямса «Ночь игуаны» является ярким примером того, как мотив «предопределение», возникший в литературном творчестве первых колонистов Нового Света еще в XVII веке, функционирует в американской драматургии середины XX столетия. Мотив этот постоянно эволюционирует и переосмысливается литераторами, тем самым оставаясь актуальным в произведениях американской словесности и по сей день.

Список источников

1. Баранова К. М. Образ Нового Адама в американской литературе колониального периода (религиозный, гражданский и личный идеалы): монография. М.: МГПУ, 2014. 148 с.
2. Баранова К. М. Символизм и категория предопределения в американской литературе колониального периода // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 2 (4). С. 8-13.
3. Баранова К. М., Афанасьева О. В. Мотив «предопределение» в романе Марка Твена «Приключения Тома Сойера» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 3 (23). С. 8-17.
4. Долинин А. А. У истоков американской культуры: «картина мира» в литературе колоний Новой Англии XVII века // Истоки и формирование американской национальной литературы XVII-XVIII веков: сборник / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; отв. ред. и авт. введ. Я. Н. Засурский. М.: Наука, 1985. С. 45-86.
5. История литературы США: в 7-ми т. / ред. колл. М. М. Коренева, А. Ф. Кофман, Н. С. Павлова. М.: Наследие, 1997. Т. 1. 829 с.
6. Маграт А. Богословская мысль Реформации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/441725/> (дата обращения: 20.01.2019).
7. Миронов О. В. Словарь религиозных терминов (в помощь изучающим основы религиоведения). Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. 42 с.
8. Солодовник В. И. История литературы США: нравственный идеал через века. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1997. 207 с.
9. Стеценко Е. А. История, написанная в пути (записки и книги путешествий в американской литературе XVII-XIX вв.). М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1996. 310 с.
10. Уильямс Т. Трамвай «Желание». Любовное письмо лорда Байрона. Ночь игуаны: пьесы. М.: АСТ; Астрель, 2012. 345 с.
11. Bradford W. Of Plymouth Plantation: 1620-1647. Chicago: McGraw-Hill Humanities, 2002. 512 p.
12. Providence [Электронный ресурс] // Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/providence> (дата обращения: 20.01.2019).
13. Providence [Электронный ресурс] // Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/providence> (дата обращения: 20.01.2019).
14. Rowlandson M. Narrative of the Captivity and Restoration of Mrs. Mary Rowlandson [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/851/851-h/851-h.htm> (дата обращения: 07.02.2019).
15. Sewall S. The Diary // American Literature Survey / ed. by Milton R. Stern. N. Y.: The Viking Press, 1962. P. 75-88.
16. Williams T. Plays 1957-1980. N. Y.: Library of America, 2000. 975 p.
17. Winthrop J. Papers / ed. by A. B. Forbes. Boston: Massachusetts Historical Society, 1929-1947.

MOTIVE OF DETERMINISM IN THE AMERICAN DRAMATURGY OF THE XX CENTURY (BY THE EXAMPLE OF “THE NIGHT OF THE IGUANA” BY TENNESSEE WILLIAMS)

Fedorenko O'l'ga Yaroslavovna
Moscow City University
Olgadujuin@gmail.com

The article examines the functioning peculiarities of the motive of determinism in the play by the famous American XX-century dramatist Tennessee Williams “The Night of the Iguana”. The paper provides commonly accepted interpretations of the mentioned conception. After analysing motivic, ideological, philosophical and psychological planes of the fiction text the author concludes about differences between the conception of divine providence originated in the puritanical society three centuries earlier and its interpretation in the concrete dramaturgic work.

Key words and phrases: determinism; colonial literature; literary motive; USA dramaturgy; literature of the XX century; Tennessee Williams.